

Е Цзяньюй снова осторожно спросил, любит ли он мужчин. Фэн Чуаньцин был очень прямолинеен, как человек, который не умеет лгать. После нескольких вопросов Е Цзяньюй выведal всю правду.

Он сказал, что не любит мужчин, и за пределами дворца у него есть любимая девушка. Если бы его отец не угрожал жизнью его матери, он никогда бы не вошел во дворец. Он также сказал, что не будет соперничать с Е Цзяньюем за императора и попросил его не беспокоиться.

Е Цзяньюй спросил, почему принц-регент так настаивал на его отправке во дворец. Фэн Чуаньцин снова сказал, что не знает. Он сказал, что он маленький человек, и его отец не рассказывает ему, нелюбимому сыну, такие секреты. Он также сказал, что принц-регент, вероятно, хочет навредить императору, и попросил его быть осторожным.

Е Цзяньюй, глядя на выражение лица Фэн Чуаньцина, словно увидел себя в прошлом — застенчивого, неуверенного в себе, не умеющего лгать, человека, которого легко разговорить. У него тоже был отец, которого он ненавидел.

Чем больше он общался с Фэн Чуаньцином, тем больше он чувствовал связь, словно нашел родственную душу.

Фэн Чуаньцин, видя, что у Е Цзяньюя покраснели глаза, тихо спросил:

— Императрица, у меня есть еще одна просьба. Перед тем как войти во дворец, отец сказал, что если я не получу благосклонности императора, как Фэн Цяньэр, он убьет мою мать. Поэтому могу ли я попросить...

Он не успел закончить, как Е Цзяньюй насторожился, пристально глядя на Фэн Чуаньцина. Он мог сочувствовать ему, потому что Фэн Чуаньцин с самого начала сказал, что не любит мужчин.

Если бы он попросил разделить императора с ним, то все, что он сказал раньше, превратилось бы в жалобу, и Е Цзяньюй сразу же выгнал бы его.

Фэн Чуаньцин, похоже, почувствовал его настороженность и поспешил объяснить:

— Императрица, не поймите меня неправильно, я не хочу получить благосклонность императора. Я просто хочу спросить, могу ли я часто приходить в дворец императора, оставаться здесь, делать что угодно, и мне даже не нужно видеть императора. Просто чтобы мой отец думал, что я часто нахожусь рядом с императором.

Е Цзяньюй, который только что подумал, что он хочет отобрать императора, сразу же протрезвел. Теперь, услышав, что он хочет приходить в дворец, он предположил, что он хочет что-то найти, и есть вероятность, что он хочет получить императора.

Он вспомнил, что император говорил о том, чтобы пойти на уловку, и решил следовать его плану, чтобы увидеть, что он задумал.

Если бы он не пошел на уловку, принц-регент мог бы отправить третьего человека во дворец.

Е Цзяньюй, который обычно был глупым и смотрел только на поверхность, услышав, что кто-то хочет отобрать императора, сразу же стал умным.

Он не только подумал, что принц-регент может отправить третьего человека во дворец, но и о

том, что, если принц-регент в следующий раз не отправит своего сына или дочь, а под видом кого-то, кто не имеет отношения к принцу-регенту, проникнет во дворец среди наложниц, это будет действительно невозможно предотвратить.

К тому же Фэн Цяньэр была так красива, а Фэн Чуаньцин сказал, что он много читал. Оба они были ценными детьми принца-регента, и принц-регент отправил этих двух сокровищ марионеточному императору. То, что он хотел, должно быть чем-то невероятно ценным!

Он мог пойти на уловку, тайно наблюдая, что Фэн Чуаньцин хочет украсть, и мог забрать это, когда тот попытается унести. Если он защитит это, император, возможно, обрадуется и подарит ему эту вещь.

Как только Е Цзяньюй подумал о деньгах, он возбудился.

Он взял Фэн Чуаньцина за руку и сказал:

— Чтобы твоя мать не пострадала, я помогу тебе. Приходи каждый день, и мы сможем составить друг другу компанию.

Фэн Чуаньцин с благодарностью посмотрел на Е Цзяньюя.

— Императрица, я никогда не забуду вашу доброту.

Когда Фэн Чуаньцин ушел, Е Цзяньюй напевая вернулся и встретил Ли Цзиньчэня. Тот спросил, что произошло сегодня, и Е Цзяньюй вкратце рассказал, но не упомянул свои планы.

Он боялся, что если он заранее скажет, что хочет посмотреть, что Фэн Чуаньцин хочет украсть, император не подарит ему эту вещь. Он решил пока сохранить это в секрете, а когда император подарит ему это, он расскажет о своем плане, и, возможно, император похвалит его за ум.

На следующее утро Фэн Чуаньцин пришел во дворец императора, и Е Цзяньюй повел его на экскурсию.

— Здесь наша спальня, туда мы не пойдем, там кабинет императора, там маленькая кухня, а там еще несколько комнат, вероятно, склады, я туда не заходил, а там сад с искусственными горами... — Е Цзяньюй терпеливо объяснял. — Там озеро, где император ловит рыбу, лучше туда не подходить, император очень строгий, если помешаешь ему ловить рыбу, он бросит тебя в озеро, это нужно запомнить!

Ли Цзиньчэнь, который никогда никого не бросал в озеро, чихнул и спугнул золотую рыбку, которая только что собиралась клюнуть на крючок.

Фэн Чуаньцин легко понял намек Е Цзяньюя и несколько раз заверил его, что не будет намеренно приближаться к императору.

Е Цзяньюй, услышав такие серьезные заверения, даже немного смутился. Он повел его в сад, сел за каменный стол и спросил:

— Чем ты обычно занимаешься в свободное время?

Е Цзяньюй обычно готовил приправы или лежал, загорая. Он не мог делать приправы перед Фэн Чуаньцином, и уж тем более лежать вместе с ним на солнце, это было слишком странно.

Фэн Чуаньцин:

— Раньше дома я изучал шахматные книги или занимался изготовлением благовоний, или играл в шахматы с кем-то. Но после того как я вошел во дворец, я не встретил никого, кто бы играл в шахматы, поэтому я только занимался изготовлением благовоний.

Е Цзяньюй достал ароматический мешочек, висящий у него на поясе.

— Это тоже ты сделал после того, как вошел во дворец? Пахнет хорошо, ты можешь научить меня...

Е Цзяньюй остановился на полуслове, вдруг подумав, что Фэн Чуаньцин может подсыпать яд, пока будет учить его делать благовония, и быстро поправился:

— Научи меня играть в шахматы.

Фэн Чуаньцин даже немного удивился, но затем тихо засмеялся.

— Изготовление благовоний — это то, чему меня научила мать. Хорошо, что вы не попросили меня научить вас этому.

— Ага, — Е Цзяньюй почесал затылок. — На самом деле, я довольно интересуюсь шахматами. В какие шахматы ты играешь? Сянци, вэйци или китайские шашки?

— Что такое китайские шашки? — с любопытством спросил Фэн Чуаньцин.

— Это... китайские шашки... — Е Цзяньюй в детстве очень любил играть в китайские шашки, и даже получил прозвище «Маленький принц шашек» в детском доме. К сожалению, после того как его усыновили, у него больше не было возможности играть с кем-то.

Теперь, вспомнив об этом, он захотел поиграть, но для этого нужно было сделать набор, и он решил, что лучше поиграет с императором.

Фэн Чуаньцин, видя, что Е Цзяньюй не хочет объяснять, не стал настаивать.

— Я играю в вэйци. Если вы хотите научиться, я могу объяснить вам правила.

— Хорошо. — Е Цзяньюй попросил Миньюэ принести шахматы. — Раньше мне не с кем было играть, и я просто сидел, скучая, или смотрел на императора...

Он быстро прикрыл рот, чуть не сказав, что наблюдал за тем, как император ловит рыбу.

— Или смотрел на выражение лица императора... Император действительно страшный, совсем не нежный и заботливый, он очень плохой, и тебе лучше не приближаться к нему, это для твоего же блага.

— Спасибо за предупреждение, — Фэн Чуаньцин по-прежнему говорил очень формально.

Когда служанка принесла шахматную доску и фигуры, Фэн Чуаньцин кратко объяснил правила, и Е Цзяньюй почувствовал, что у него болит голова, и даже хотел сдаться.

Он был мастером в отказе, но прежде чем он успел открыть рот, Фэн Чуаньцин уже сказал:

— Когда я только начинал учиться, я тоже ничего не понимал в правилах, но когда начал

играть, все стало проще. Учиться в процессе игры быстрее.

— Понятно... — Е Цзяньюй все еще не был уверен в себе. Раньше его представление о вэйци было основано на различных сериалах о боевых искусствах, где вэйци описывалось как нечто очень сложное. Е Цзяньюй чувствовал, что даже не сможет начать.

Он попробовал немного поиграть и обнаружил, что это не так уж плохо, но он был слишком простодушным и не использовал никаких стратегий, поэтому чаще всего проигрывал.

Но даже проигрывая, он находил в этом удовольствие.

Каждый вечер, возвращаясь, император спрашивал его, что произошло за день.

Е Цзяньюй отвечал одно и то же: в первый день играл в шахматы, во второй день играл в шахматы, в третий день снова играл в шахматы...

Ли Цзиньчэнь спросил, говорили ли они о чем-то, кроме шахмат.

<http://bllate.org/book/16199/1453630>